

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Предсказание для адвоката

Наталья Евгеньевна Борохова
Предсказание для адвоката
Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176059
Предсказание для адвоката: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28957-8*

Аннотация

Молодому адвокату Елизавете Дубровской до сих пор доводилось встречаться с преступлениями только на страницах уголовных дел. И вот она сама стала свидетелем преступления, которое, вне всяких сомнений, попадет на первые полосы газет! Эмма, знакомая Лизиного мужа, пригласила их на вечеринку в честь Хэллоуина, устроила экзотическое гадание и намекнула на неблагоприятные поступки каждого из присутствующих. Той же ночью Эмму нашли убитой. Значит, какие-то ее слова попали в цель?.. Молодому следователю прокуратуры Майкову эта назойливая адвокатша сразу не понравилась. Но, кажется, только у нее есть информация, которая может помочь расследованию...

Содержание

Два года спустя...

9

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Наталья Борохова

Предсказание для адвоката

Снафф (англ.snuff) – нюхательный табак; перен. нечто остренькое.

Снафф-муви – это документальное кино, где запечатлено настоящее насилие или убийство.

Она всегда мечтала стать звездой. Но, видимо, так было предопределено свыше, что смысл ее земного существования оказался намного прозаичнее. Правда, о занятиях подобного рода не принято распространяться на широкой публике. Об этом не расскажешь маме, не похвастаешься перед школьными друзьями. Она торговала собой, и, какими сладкими эпитетами это ни назови, суть дела все равно не менялась. Поэтому, услышав неожиданное: «Девушка, а вы не хотите сняться в кино?», она на мгновение лишилась дара речи.

Респектабельный мужчина лет тридцати с небольшим, похоже, получил удовлетворение от минутной немой сцены, когда будущая актриса хватала ртом воздух и смотрела на него во все глаза. Одетый стильно и дорого, он мог оказаться кем угодно: обаятельным бандитом или владельцем собственной киностудии. Но его взгляд был мягким, а улыбка искренней и такой открытой, что все сомнения развеялись сами собой. Она доверилась ему.

На большом пальце у мужчины оказалось огромное родимое пятно лилового цвета, которое он время от времени поглаживал. Массивное кольцо с бриллиантом золотом опоясывало меченый палец. То ли камень сверкал слишком сильно, то ли неуместные вопросы типа: «А не больно ли это?», «Не вредно ли?» – лезли в голову девушке, но нить беседы постоянно ускользала от нее. Она не сводила глаз с родимого пятна...

Съемки проводили на территории какого-то особняка, со всех сторон окруженного кедрами. Участники действия собрались возле открытого бассейна. Удивительно, но их, включая дебютантку, оказалось только четверо. Один, по всей видимости, оператор, огромный мужчина с бородой, колдовал над камерой. Он недовольно хмурился, наводя объектив то на воду, то на оживленное лицо кинодельца. Тот давал последние инструкции бледной от волнения девушке и молодому человеку в махровом халате. Палец с родимым пятном то выразительно взлетал вверх, то опускался вниз. Бриллиант сверкал в свете многочисленных ламп, расставленных по периметру бассейна, и казался начинающей актрисе едва ли не небесным знамением, предвещающим грядущие перемены в ее невеселой жизни.

Мужчина сбросил халат и, ничуть не смущаясь своей наготы, походкой короля прошелся по бортику бассейна, потрогал воду и, зябко крякнув, погрузился в нее до подбородка. Девушка медлила. Ей не впервой было раздеваться на

людях, но непонятное волнение беспокоило ее и не давало расслабиться. Может, всему виной была прохладная летняя ночь, когда звезды на небе казались ледяными кристаллами, а вода не выглядела привлекательной даже в свете ламп? Но представитель киноиндустрии уже хмурился. Спешно, чтобы не вызвать его недовольства, девушка опустилась в воду и даже не вскрикнула, когда та заключила ее в свои холодные объятия.

«Снимаем сцену любви. Все должно быть натурально. Двигайтесь естественно. Излишней театральности мне не надо». Вот так. Коротко и ясно. Справиться с задачей не составило особого труда. Нужно было только немного отвлечься и не обращать внимания на оператора, который снимал ее лицо крупным планом.

Самец, поигрывая рельефной мускулатурой, приблизился к ней, прижал к бортику бассейна, больно сдавил грудь. Он мог бы действовать и нежнее, коль скоро речь зашла о любовной сцене... Но замечаний от режиссера не поступило, и девушка предпочла воздержаться от критики. Между тем партнер приподнял ее за бедра. Поясницу царапнуло что-то неровное. Ох, черт! Она обязательно попросит премиальные. Нужно только немного потерпеть. Будет досадно, если ей откажут от роли после всего того, что ей уже довелось пережить. Мужчина заработал, как отбойный молот, едва не пробивая ею стену бассейна. Она прикрыла глаза.

Что можно купить на такую уйму денег? Ну, конечно,

заграничный тур. Она выберет для себя что-нибудь экзотическое с морем и пальмами. На остатки можно будет обновить гардероб. Купить новую шубу...

Ох, ну когда же это закончится? Вода казалась ледяной. Все тело кололо малюсенькими иголочками, а жеребец исправно выполнял свое дело. Интересно, она должна изображать удовольствие? Вряд ли это получится у нее убедительно. Мужчина просто разрывал ее на части.

Итак, шуба... Она должна быть свободная в ростук или с поясом, как пальто? Да какая разница, если она может позволить себе и то, и другое? Кстати, если купить машину, то она может вполне обойтись короткой стильной курткой из меха. Конечно, на приличную иномарку ей не хватит...

Девушка взвизгнула. Самец укусил ее за шею. Она не видела, но ощутила, как загорелся на молочно-белой коже подковообразный след. Невзирая на договоренности, она взорвалась. Что было силы она дала кулаком по самодовольной физиономии. Если партнер опешил, то лишь на мгновение. В следующий момент он перехватил ее руки своими железными пальцами. Девушка завертела головой, отыскивая режиссера. Тот, словно ничего не происходило, стоял рядом, наблюдая разворачивающуюся на его глазах сцену сосредоточенно, как натуралист смотрит на копошащихся муравьев. Камера наезжала на лицо девушки. Бородач был занят работой.

«Кончай ее!»— последовала команда, и палец с родимым пятном опустился вниз. Бриллиант грозно сверкнул.

В этот момент руки самца сомкнулись железным обручем на шее девушки. Она расширила глаза, ничего не понимая, потом забилась, как рыба, попавшая в сеть. Открытый рот пытался захватить воздух, но он почему-то иссяк. Ее тянуло под воду, которая стала почти горячей...

– Готово! Снято, – провозгласил человек с перстнем.

Он схватил за волосы голову девушки и приподнял ее над водой. Оператор зафиксировал посмертную маску. Палец в золотом обруче тоже попал в кадр...

Два года спустя...

Осень в этом году выдалась замечательная. И несмотря на то что октябрь уже подходил к концу, никакой сырости и слякоти не наблюдалось. Было сухо и солнечно. И хотя по утрам трава уже покрывалась холодной изморосью, днем озорное солнце разгоняло сезонную хандру. На деревьях золотом отливала листва, а в саду, что уж совсем удивительно, цвели розы.

Буйство природных красок тем не менее не радовало Елизавету Дубровскую. Прислонившись лбом к нагретому солнцем оконному стеклу, она рассматривала диковинные бутоны на клумбе, а мысли ее парили где-то очень высоко в ярко-синем небе с едва различимыми островками облаков. Она размышляла на типичную женскую тему: что надеть сегодня вечером и как вести себя в обществе почти незнакомых ей людей. Конечно, все было бы намного проще, если бы ее обожаемый супруг находился сейчас рядом с ней, а не на каких-то очень важных переговорах, назначенных совсем некстати на выходной день. «Не волнуйся, дорогая. Если я опоздаю, то совсем ненадолго. Ты замечательно проведешь время с моими друзьями. Кстати, ты уже придумала себе костюм? Не забудь, мы же отмечаем Хэллоуин».

Это была идея Эммы, особы чрезвычайно активной и предприимчивой, собрать приятелей на базе отдыха и узким

кругом отметить День Всех Святых. От гостей многого не требовалось: они должны были прибыть вовремя и захватить с собой подходящий к случаю наряд. Неписанные правила проведения подобного рода вечеринок обязывали каждого приглашенного облачиться в костюм ведьмы или вампира, раскрасить лицо шрамами, а также не забыть про вставные клыки и накладные когти. Экзотика дикой природы на одном из самых живописных озер, полнолуние и бесчинствующая нечистая сила – ничего не скажешь, ночь обещала быть веселой!

Сам Андрей рядиться во что-либо отказался, но затею принял положительно. И вот теперь бедная Лиза ломала себе голову, как одеться так, чтобы новые друзья не сочли ее слишком эксцентричной особой, а с другой стороны, прослыть занудой ей тоже не хотелось. В поисках золотой середины она перерыла содержимое своей дорожной сумки и косметички, но решение проблемы, видимо, пряталось не под ворохом нарядной одежды и не среди флаконов и щеток.

Дубровскую трудно было упрекнуть в излишнем самомнении. В новой компании она чувствовала себя неважно: немного робела, произносила неуклюжие фразы и краснела, как ребенок, которого любящие родители попросили прочитать гостям стихотворение. Она старалась не паниковать и взглянуть на ситуацию как бы со стороны, но от этого становилось еще хуже. Как в зеркале она видела свое отражение: невысокой, худенькой, как подросток, стеснительной девуш-

ки с небезупречными манерами.

А рядом был он: молодой и обаятельный, решающий любую проблему в два счета. Он был душой любой компании. Его везде ждали и все любили. Андрей мог найти выход из самой неловкой ситуации. Заметив, что его супруга застыла как изваяние, он непринужденно подхватывал адресованную ей реплику. Через минуту, направив разговор в нужное русло, он пасовал возможность ответа Елизавете. Та выходила из ступора, начинала о чем-то говорить, иногда даже удачно. Натянутость исчезала. Все шло своим чередом, только один вопрос, который никогда не задавался вслух, читался все же в глазах окружающих: что *он* нашел в *ней*?

Стоп! Может, проблема была именно в этом?

Их семейному союзу не исполнилось и года, а Елизавета Дубровская успела обрасти комплексами, как молодая сосна побегами. Они появлялись исподволь, благодаря неосторожным репликам друзей и ядовитым комментариям злопыхателей. Кто-то посмеивался, кто-то разочарованно вздыхал. Незамужние женщины негодовали, будто этот странный брак наносил удар по их самолюбию. Их отцы искали скрытый подтекст: ну должна же быть причина, по которой местный король фармацевтики и самый завидный холостяк в городе предложил свою руку и сердце ничем не примечательной девушке.

Вне всяких сомнений, Лиза Дубровская была мила, но на конкурсе красоты не получила бы даже утешительного при-

за. Маленькая хрупкая фигурка без волнующих женских изгибов: едва заметная грудь, узкие бедра – словом, девчонка, пигалица! По-настоящему красивыми у нее были, пожалуй, только глаза. Огромные, обрамленные густыми загнутыми вверх ресницами, они меняли свой цвет в зависимости от освещения. Иногда они казались карими, иногда просто черными. На солнце в них плескались золотые искорки, которые придавали взгляду особое очарование. Темные волны густых волос оттеняли необычно белую кожу, столь непопулярную в эпоху бронзовых тел.

Умом ее природа не обидела. Получив престижное образование в области юриспруденции и работу в одной из адвокатских фирм города, Лиза ухитрилась сохранить почти детскую непосредственность и даже некоторую наивность. Практическая сметка если у нее и присутствовала, то в зачаточном, неразвитом состоянии. Каким образом Дубровской удалось заткнуть за пояс прожженных охотниц за толстым кошельком и стать законной супругой самого перспективного бизнесмена в огромном городе, было непонятно. Оставалось списывать все только на волю капризного случая и удивительного везения неизвестно откуда взявшейся девицы.

Любители чужих тайн пытались отыскать разгадку в происхождении невесты, но тщетно! Да, Лиза была дочерью влиятельного регионального чиновника Германа Дубровского, имевшего все шансы продолжить свою карьеру на самой вершине власти. Но его скоропостижная смерть поставила точ-

ку в далеко идущих планах и внесла неприятные коррективы в жизнь домочадцев. Семья, состоящая из светской красавицы-жены, дочери и школьника-сына, за год спустила небольшое наследство, а служебные привилегии кормильца испарились сами собой. И если бы не чудесный взлет Елизаветы на самую верхушку деловой элиты большого города, ловить бы ей птицу счастья и дальше, перебиваясь от случая к случаю скромными заработками начинающего адвоката.

Оказавшись в большом загородном доме мужа, напичканном внушительным количеством прислуги, Дубровская поначалу испытала шок. Шло время. Она немного освоилась, но привычка ходить по краешку ковра, избегать общения с суровой домоправительницей и боязнь отдавать распоряжения так и остались. А вокруг было столько примеров успешных женщин! Лиза корила себя за стеснительность, злилась и давала себе обещания исправиться, но ее проблемы замкнулись кругом, из которого не было выхода...

Вывернув содержимое дорожной сумки на кровать, она горестно вздохнула. Отвратительно быть такой бездарностью в вопросах, которые для большинства женщин окажутся сущей безделицей. Лиза перевернула одежду и еще раз заглянула в сумку, по-детски надеясь, что сказочная фея подсунула ей неожиданный подарок, который разом решит все ее проблемы. Но на дне покоилась лишь тоненькая голубая папка, которую Дубровская успела прихватить с собой

из юридической консультации.

«Прошу привлечь моего мужа к уголовной ответственности...» – гласила грозная надпись на первом листе. Но Лиза слишком хорошо знала, что за видимой суровостью документа скрывались отчаяние, страх и боль женщины с печальными глазами. Это был вынужденный шаг, который жертва домашнего насилия сделала не без труда. «Он меня убьет! – говорила она, глотая слезы. – Вы должны остановить его». И Дубровская понимала, что это не пустые слова. Конечно, у нее нет полномочий арестовать негодяя, нет крепких мышц, чтобы поставить его на место. Но она знает закон. Стало быть, выход из непростой семейной драмы обязательно найдется. Ей нужно лишь немного времени, чтобы наметить план действий.

Дубровская с гордостью подумала, что ее знания и небольшой адвокатский опыт могут принести ощутимую пользу. Как ни верти, это намного сложнее, чем подобрать правильный тон пудры к цвету лица. Посмотрела бы она, как ступевались бы светские красавицы, доведись им выступать с защитительной речью под сводами областного суда! Когда на тебя направлены десятки глаз, когда каждое твое слово оценивается – тогда вряд ли поможет тебе умение разбираться в тенденциях осенне-зимней коллекции одежды. И аромат дорогих духов не заглушит дрожащий тихий голос.

Но сегодняшний вечер – это не стадия прений в очередном уголовном деле. Значит, все-таки придется отложить в

сторону кодексы и решить наконец проблему, какой бы глупой она ей ни казалась. Будь что будет! Она выйдет к приятелям своего мужа и примет участие в этой нелепой затее. Но изображать из себя ведьму? Увольте! Она обойдется простым черным платьем и маской. Быть может, под этой картонкой, с прорезями для глаз, никто и не заметит ее смущения...

В дверь вежливо постучали.

– Елизавета Германовна! Вас ждут.

Это был Ян, приятный молодой человек, подвизавшийся с недавних пор у ее супруга кем-то вроде охранника и водителя в одном лице. Андрей нанял его через агентство и фактически навязал Елизавете его услуги. Дубровская отвратительно водила машину и время от времени попадала в рискованные ситуации. Избавив себя тем самым от головной боли за свою неразумную жену, Мерцалов с головой ушел в бизнес...

Лиза вздохнула. Как ей хотелось оказаться на месте этого молодого мужчины! Ему не придется прятать лицо под маской и вести пустую светскую беседу. Он сядет в стороне, возьмет в руки газету и будет изредка отрывать от строк, услышав чью-либо слишком громкую реплику или заразительный смех. Возможно, он даже посмеется в душе над ними, взрослыми людьми, забавляющимися, как дети. А может, отметит про себя никчемность своей молодой хозяйки,

не умеющей веселиться и робеющей, как школьница. Конечно, он и бровью не поведет (он хорошо воспитан), но почувствует к ней что-то похожее на жалость или пренебрежение.

Ну, довольно о нем. Ей пора идти, и, если удача будет сегодня на ее стороне, вечер пройдет размеренно и скучно. Слишком бурное веселье в новой компании ничего хорошего не сулило.

Дубровская открыла дверь. Уже смеркалось. Фонари отбрасывали свет на крыльцо дачного домика, а полная луна уже успела занять свое место на небе. Ночь стояла на пороге, обещая искушающим ее людям море веселья и бездну ужаса...

– О великий бог ночи! Яви нам свое присутствие. Позволь приоткрыть врата тьмы и войти в твоё царство. Позволь пройти тропой призраков, пересечь долину зла и подняться на вершину блаженства. Будь снисходителен к нам, ибо мы смертные...

Эмма громким шепотом произносила слова старого заклинания. Когда она поднимала руки вверх, браслеты на ее запястьях, звякая, опалили ближе к локтям. Кулон в виде сердца подрагивал в ложбинке между полными грудями. Глаза были опущены, губы быстро шевелились.

Она сидела за круглым столом, на котором мелом были начертаны пентаграмма и еще какие-то значки в виде римских цифр и латинских букв. Фонарь в беседке легко пока-

чивался и скрипел, то ли от ночного ветерка, то ли действительно от присутствия чего-то потустороннего, необъяснимого. По лицам людей пробежали тени.

Дубровская содрогнулась. Ночь была прохладной, и она успела основательно промерзнуть. Ноги в легких туфлях превратились в ледышки. Еще немного, и она начнет шмыгать носом. Спрятав ладони в складках платья, она оглядела присутствующих. Маска была идеальным прикрытием. Она позволяла беззастенчиво разглядывать новых знакомых, не рискуя быть уличенной в дурных манерах...

Помимо нее и увлеченной гаданием Эммы за столом находились две молодые женщины. Одна из них, очаровательное капризное создание с целой шапкой золотистых кудряшек на голове, иронически щурилась. Она ни на минуту не прониклась мрачной торжественностью момента, а только покусывала пухлые губки, чтобы не расхохотаться. Это была Лара, жена одного высокопоставленного чиновника из мэрии, поэтому она смотрела на гостей немного пренебрежительно. Легонько постукивая длинным ногтем по столешнице, она вызывала явное неодобрение Эммы. Та уже несколько раз сбивалась с заранее заученного текста и бросала на Лару недовольные взгляды.

Другая женщина была если и не старше Лары, то серьезнее ее в несколько раз. Она держалась за краешек стола, вытянув вперед шею, и старалась не пропустить ни слова из цветистой

речи колдуньи. Кажется, ее звали Мария. Она, в свою очередь, являлась женой директора развлекательного канала, но представительницей богемы ее нельзя было назвать даже с натяжкой. Женщина была начисто лишена светского лоска и в довольно дорогом костюме походила на рабочую лошадь, облаченную в парадную сбрую. Во всей ее позе сквозило напряжение, во взгляде – настороженность.

Она иногда смотрела в сторону супруга, высокого вальяжного мужчины с сигарой в руках. Константин стоял, облокотившись на перила, пускал в холодный воздух кольца вонючего дыма и делал вид, что не имеет к собравшимся никакого отношения. Это, впрочем, относилось и к его жене, с которой за весь вечер он вряд ли обмолвился хоть парой фраз. Это был хрестоматийный «новый русский», именно такой, каким их принято изображать в народном фольклоре. И пусть малиновый пиджак у него заменяла модная замшевая куртка на молнии, сути дела это не меняло. Он был и оставался таким, как есть, с преувеличенным чувством собственного достоинства, широкими жестами и масляным взглядом. Константин Кротов обретался в порочных кругах шоу-бизнеса, и это обстоятельство не только освободило его от всякого рода комплексов, но еще и наградило нахальством и бесцеремонностью. Явившись на званую вечеринку, он с непосредственностью кинозвезды поприветствовал собравшихся небрежным кивком головы и тут же распечатал коробку с кубинскими сигарами. Пустив дым в глаза гостям,

в самом прямом смысле этого выражения, он принял живописную позу у перил и застыл, словно дожидаясь аплодисментов. На левой руке у него не хватало большого пальца. Это, впрочем, не особо мешало ему жить, поскольку остальными пальцами он управлялся весьма проворно.

Чиновник из ближайшего окружения мэра вид имел озабоченный. Петр Иванович, мужчина совсем еще молодых лет, на мир смотрел глазами ответственного работника, так что даже в неформальной обстановке к нему неловко было обратиться по имени. Он чрезвычайно дорожил своей репутацией и не позволял никому, даже собственной супруге, бросать на нее тень. Сегодня очаровательная Лара выпила несколько бокалов шампанского и была не в меру разговорчива, что держало его в напряжении. Он хмурился и был готов к тому, чтобы при первом же удобном моменте отвести жену в дачный домик от греха подальше.

Еще один гость, видный мужчина с изящным профилем, подпирал собой решетчатую стену беседки. Он сложил на груди руки и без особого интереса наблюдал за гаданием. Будучи человеком научным, хорошо разбирающимся в медицине, он знал жизнь с изнаночной стороны и поэтому не верил ни в черта, ни в дьявола. К подобной чепухе он относился философски, как к забаве. Если люди любят щекотать себе нервы, то что в этом дурного?

Он пришел без пары, и, насколько это было известно Елизавете, в настоящий момент ему еще не удалось оправиться

после бракоразводного процесса, третьего по счету. Известный пластический хирург Павел Грек любил женщин, неоднократно в них разочаровывался, но не терял оптимизма. На настоящий момент он был «в поиске», и Дубровская смутно подозревала, что незамужняя Эмма уже положила на него глаз...

Ян находился неподалеку, и Дубровская была рада его присутствию. Он «замещал» вечно занятого мужа и создавал иллюзию того, что Елизавета была не одна среди этих мало-знакомых и, по сути, не особо нуждающихся друг в друге людей.

– ...Солнце ушло на восток.
Тьма поднялась с запада.
Духи воздуха и песка, моря и пламени,
Явите ко мне ангела смерти.
С ветром посылаю эти слова,
Верните мне смерть прямо сейчас!

На последних словах руки колдуньи, до этого времени рассеянно поглаживающие магическую символику, начертанную мелом, внезапно взлетели вверх и тут же опустились, громко стукнув ладонями по столешнице. Фонарь, качнувшись на ветру, издал странный скрежет, больше похожий на стон. Дубровская вздрогнула от неожиданности.

За спиной раздалось осторожное покашливание.

– Позвольте вам заметить, милая, что солнце встает на во-

стоке, а заходит, соответственно, на западе.

Конечно, комментарий Петра Ивановича прозвучал не вовремя и не к месту. Чиновник, привыкший руководить и направлять, не мог простить гадалке неточность. Он был страшным педантом, а чтение нравоучений всегда было его слабостью.

Эмма вытаращила на него глаза, не понимая, очевидно, о чем речь. Зато Лара, прочувствовав ситуацию, начала смеяться.

– О боже! Петр Иванович, ты такой зануда. Ну кто будет обращать внимание на подобные мелочи, если речь идет о магии?

Чиновник напрягся. Свободомыслие жены ничего хорошего не сулило. Шампанское уже вовсю играло в ее голове, и пусть пока она еще соблюдала определенные рамки, но интуиция подсказывала ему, что добром дело не кончится. Если так пойдет и дальше, то она забудет его имя-отчество и начнет величать «петушком», по домашней привычке. Спору нет, в интимной атмосфере он прощал ей маленькие слабости и даже потворствовал им, но на людях он всегда проявлял жесткость и принципиальность.

Петр Иванович взял было супругу за руку, как вдруг у нее нашелся союзник в лице дамского угодника – врача.

– Конечно, искать в заклинаниях логику и смысл – это все равно что требовать от гадалки диплом об ученой степени, – произнес хирург, улыбкой поддерживая захмелевшую

даму. – Если солнце встает на западе, значит, так тому и быть. Если крысиным хвостом, зарытым в полночь на кладбище, можно снять с человека порчу, извольте – ищите крысу и отрубайте у нее хвост! Все эти мистические ритуалы никакой научной основы под собой не имеют.

– Вот-вот, – многозначительно прищурился бизнесмен и стряхнул пепел с сигары в цветочный горшок. – Все эти бабские штучки ими же и созданы для разведения лохов. Но меня, слава богу, этим не проймешь. Тьма какая-то, черти – тьфу! Чушь! А ты, поди, в это веришь?

Он ткнул пальцем жену. Та нервно дернулась и залилась краской.

– Я... я не знаю. Но вообще-то гадание не приносит вреда. Это иногда даже забавно.

Она улыбнулась какой-то жалкой, затравленной улыбкой. Лиза подумала о том, как нелепо выглядит эта женщина в костюме ведьмы. Щедро подведенные тушью глаза, кроваво-красные губы, высоко взбитые волосы цвета воронова крыла и нелепая накидка поверх модного жакета казались несмелой претензией на известный сказочный персонаж. Но ни малейшей искры во взгляде, только настороженность и, пожалуй, страх. Мария казалась закованной в избранный ею образ, как средневековый рыцарь в доспехи. Она опасливо поглядывала в сторону супруга, словно ожидала от него очередной нахлобучки.

Критика последовала с другой стороны:

– Забавно?! Да такой подход ничего, кроме вреда, не приносит. Взять этот... как его? Хэллоуин. Что означает этот праздник и почему мы отмечаем его в России? Ответственно заявляю, что никаких исторических истоков вы к этому не найдете. Он чужд нашей культуре и забивает мозги наших соотечественников западной ересью...

Петр Иванович уселся на любимого конька и даже на время забыл о собственной супруге, которая, воспользовавшись моментом, пригубила свежий бокал с шампанским.

– ...рядиться в бесов, изображать из себя всякую нечисть – какой в этом смысл? Чему хорошему этот праздник может научить нашу молодежь? Неокрепшие умы могут быть спровоцированы...

– А по-моему, никакого криминала в этом нет, – неожиданно для себя самой вставила Дубровская. – Ведь это же здорово, хотя бы одну ночь побыть детьми: нарисовать на лице черные полосы, вставить клыки. Разве вы, когда были ребенком, не любили страшные сказки про ведьм и мертвецов? А может, вы на спор бегали с друзьями ночью на кладбище?

Чиновник опешил, словно в его присутствии и в его адрес сказали какую-то непристойность. Лара подавилась шампанским:

– Вот умора! Да ты, деточка, думаешь, что Петр Иванович был малышом? Да он родился на свет по резолюции, спущенной сверху, со Сводом законов в руках и гербовой печатью вместо соски!

Петр Иванович побагровел. Его худшие опасения, похоже, сбывались. Странно, зачем он вообще согласился принять участие в вечеринке подобного рода?

Миротворцем выступил хирург:

– Да успокойтесь вы! К чему споры? Петр Иванович, как государственный муж, пытается рассуждать рационально. Уважаемый вы наш, вы абсолютно правы! Никакого проку в этом празднике нет...

– Я же говорил... – начал было чиновник, но хирург жестом фокусника остановил грозящее окружающим словоизвержение:

– Но и вреда никакого нет также! Если нашим прекрасным дамам хочется изображать из себя ведьм – я возражать не буду. Чудная забава, незабываемый досуг – кому от этого плохо?

– Кроме того, все ведьмы чертовски темпераментны. Заводят с полоборота! – заржал Константин. – Я был бы не против зажать такую в темном углу и отходить по полной программе.

Мария прикрыла лицо руками, пытаясь скрыть замешательство. Петр Иванович вздохнул, осознав, что союзников в этом сборище ему все равно не отыскать...

Реплика Эммы прозвучала неожиданно:

– Господа, я так понимаю, вы относитесь к магическому ритуалу как к глупой забаве? Вы полагаете, что, произнося

древние заклинания, я разыгрываю перед вами спектакль?!

Она обвела присутствующих долгим взглядом.

– Ой, ради всего святого, Эмма! – хихикнула Лара. – Не делай страшные глаза. Ты сама-то в это веришь?

Эмма сделала вид, что не расслышала реплику. Она вытирала платком пальцы, испачканные мелом: делала это медленно, тщательно, словно каждое движение имело какой-то особый смысл. Спрятав платок в сумочку, она еще раз оглядела гостей.

– В этот день, согласно верованиям древних людей, открывались врата между миром мертвых и миром живых. Люди опасались выходить в темное время на улицу.

– Почему? – затаив дыхание, спросила Мария.

– Как почему? – встрял хирург. – Силы зла властвуют безраздельно. Бойся, грешница!

Он скалил зубы. Эмма если и обиделась на столь несерьезное отношение к своим словам, то не подала виду. Как ни в чем не бывало она продолжила:

– В эту ночь появляется уникальная возможность заглянуть в прошлое, увидеть настоящее и предсказать будущее. Неужели это не интересно?

– Боюсь, милая, наше прошлое не столь занимательно, – немедленно отозвался чиновник. – Здесь собрались люди, которые уже кое-чего добились в жизни, имеют в обществе определенный вес и даже, не побоюсь этого слова, известность.

Петр Иванович проявил почти королевское снисхождение, благосклонно причислив всех присутствующих к элитарному сообществу.

– Так что искать в нашем прошлом загадки – только время зря терять. Все размеренно, по программе и в срок! Ничего, что могло бы заинтересовать широкую публику.

– Ну, разве что кто-то из нас подкорректировал торчащие уши или удалил жир с бедер. Тише-тише, дамы, я говорю абстрактно, – улыбкой остановил хирург негодование женской половины компании.

– А кто-то, возможно, допустил небольшую неточность в декларации о доходах, – не осталась в долгу Лара. – Я тоже никого конкретно не имею в виду, а говорю просто так, для примера.

– Да и маленькие мужские шалости вряд ли кому-то будут интересны, – поддался общему настроению Константин. – Ну, если я, к примеру, люблю глазеть на женщин в коротких юбках, не назовете же вы меня за это извращенцем? Кстати, классе в пятом мне изрядно досталось от смазливой соседки по подъезду. Я всего-навсего задрал ей подол. Ничего, кроме трусов в цветочек, я не увидел. Клянусь!

Он, дурачась, задрал вверх руки.

– Не эта ли милая девчушка откусила тебе в отместку палец? – полюбопытствовала Лара.

– Нет. Это тоже отметина детства. Играл с приятелями в саперов – вот и нарвался на неприятности...

– Поймите! – прервала разговор Эмма. – Вы слишком много говорите. Все вы. Меня не интересуют воспоминания вашего детства и те мелкие грешки, которыми вы так охотно делитесь с окружающими. Меня интригует то, что спрятано в вашем шкафу. То, что вы не спешите демонстрировать, то, о чем вы стараетесь даже не думать.

– Не пойму, о чем это она? – удивился Константин. – Ее интересует содержимое моего шкафа?

– Мне хочется знать о тех скелетах, которые вы там храните, – заявила Эмма, и ее глаза недобро блеснули. – Я, конечно, выражаюсь образно. Благодаря магии я могу вытащить все ваши секреты на свет божий. Только уютно вам будет находиться среди нас без маски?

– Меня этот разговор изрядно утомил! – схватилась за виски Лара. – И вообще, милочка, ты могла бы составить программу для вечера немного забавнее. К чему эти мрачные намеки?

– Действительно, – поддакнул Петр Иванович. – Меня подобная атмосфера напрягает. Конечно, я ни на минуту не воспринял все эти недосказанности на свой счет, но всему есть разумный предел. Думаю, что мы приятнее проведем время за просмотром телепередач.

Он подал руку жене, предлагая ей удалиться. Лара хмурилась, не зная, какое решение принять. Эмма наблюдала за этой сценой с какой-то нехорошей улыбкой.

– Вы чего-то боитесь? – спросила она.

– Чего? – изобразила удивление жена чиновника.

Эмма многозначительно пожала плечами.

– Нам нечего бояться! – отрезал Петр Иванович.

– Тогда предлагаю вам остаться, и пусть наша дорогая ведьма проведет сеанс с разоблачением, – усмехнулся хирург.

– А вы не боитесь разоблачений? – повернулась к нему Эмма.

Грек развел руками:

– Милая моя, я не боюсь ничего. Того, кто наблюдает жизнь не только снаружи, но и изнутри, не напугать. Я вижу каждого из вас в разрезе. Причем, обратите внимание, я выражаюсь не образно, а буквально.

– Пусть девушка гадает! – махнул рукой Константин. – В конце концов, будет повод посмеяться. Не нужно воспринимать все это всерьез.

– Это уж как вам будет угодно, – недовольно заметила Эмма. – Но, боюсь, мои открытия не доставят вам удовольствия. Знаете, роскошное платье не всегда скрывает безупречное тело.

– С этим я с профессиональной точки зрения согласен, – кивнул головой пластический хирург.

– Пусть душа ваша незрима, но она может быть искалечена не меньше, чем тело уроды, – продолжала Эмма, и странная ухмылка блуждала на ее лице. – Вам известно, как горят шрамы? Это бывает обычно по ночам, когда вы остаетесь

один на один со своей совестью. Что вы чувствуете тогда? Раскаяние? Стыд? А может, вы не чувствуете ничего. Потому, что душа ваша уже не принадлежит вам. Она давно продана дьяволу. Но довольно об этом...

Она полезла в сумочку и достала оттуда флакон с прозрачной жидкостью и кожаный мешочек, перевязанный лентой. Как из воздуха на столе вдруг материализовались курильница и песочные часы. Эмма невнятно бормотала что-то себе под нос: не то напевала, не то произносила какие-то заклинания. Расставив все эти предметы на столе, она улыбнулась, должно быть, первый раз за весь вечер.

– Я не ищу для вас зла и не хочу навязывать вам свое общество. Я лишь предлагаю вам правила игры. Передо мной – песочные часы. Сейчас я их переверну, и время пойдет. Вы можете встать и уйти. Тогда мои разоблачения не коснутся вас. Я даже не спрошу, чем вызван ваш уход. Вы можете остаться, но тогда будьте готовы к неожиданностям. Я приму ваш вызов. Хочу надеяться, что провидение будет благосклонно к вам и вы не услышите ничего из того, что вы привыкли прятать на антресолях своей души...

Ее рука, униженная браслетами, потянулась к часам. Секунда – и песок тонкой струйкой потек по стеклянной колбе вниз. Отсчет пошел...

Удивительно, но никто из присутствующих не рассме-

ялся, как можно было ожидать. Никто не вышел. Только Мария, нервно встрепенувшись, оглянулась на супруга. Тот взглядом пригвоздил ее к месту, а сам, демонстрируя спокойствие и выдержку, потянулся за очередной сигарой.

Дубровская чувствовала, что примерзает к месту. Ночь оказалась намного свежее, чем она могла предположить, а события этого вечера приняли интригующий оборот, так что сохранять невозмутимость ей удавалось с трудом. Она пыталась сжимать и разжимать пальцы ног, чтобы хоть немного восстановить их чувствительность, но они были неподвижны, словно выточены из камня. Она перевела взгляд на присутствующих.

Лара, закинув ногу на ногу, улыбалась. Она делала вид, что ей все нипочем. Обещанные разоблачения казались ей забавой, и она никак не могла взять в толк, почему Петр Иванович не разделяет ее веселья. Тот все время сверялся со своими часами, как будто опаздывал на деловую встречу. Она могла дать голову на отсечение, что ее занятой супруг остался здесь не по причине излишнего любопытства, а только потому, что его внезапный уход мог бы вызвать подозрения в том, что у него нечиста совесть. А этого Петр Иванович допустить не мог. Он вынужден был принять чужие правила игры, что было для него совершенно несвойственно.

Мария краешком глаза поглядывала на мужа, но не решалась ничего предпринимать. Она сидела как изваяние, не смея нарушить тишину даже вздохом. Песок утекал, и ей ста-

новилось совсем не по себе. Но вонючий дым сигары напоминал, что за ее спиной стоит Константин, властный и нетерпеливый, не терпящий возражений. Она не хотела раздражать его своим неуместным страхом, и поэтому ей оставалось только тупо следить за растущей горкой песка и ждать, чем закончится вся эта бредовая затея.

Павел Грек зевал, прикрыв рот холеной рукой. Но его глаза тем не менее были прикованы к злосчастным часам. Было что-то необъяснимо пугающее в той непрерывности, с которой эта допотопная вещица отсчитывала время. Не было силы, способной остановить этот процесс. Мгновения неумолимо утекали в прошлое, не задерживаясь и не цепляясь за настоящее... Последние песчинки сорвались и исчезли в море им подобных. Время истекло.

Эмма медленно подняла глаза:

– Я давала вам право выбора. Теперь у вас этой возможности нет...

Она не успела ничего добавить: раздался шаг. Ступени закрипели. Из полумрака появилась крупная мужская фигура.

– Добрый вечер! – Голос звучал дружелюбно.

Крепкие руки легли на плечи Дубровской. Губы коснулись ее волос. Сердце, восторженувшись, забилось быстрее.

– Маска, я тебя знаю?

Этот тихий, бархатный голос был ей хорошо знаком. Ну конечно, это был Андрей! Он пришел, и Елизавета почти

физически ощутила, что ей стало намного легче. Даже в озябших ногах вдруг запульсировала кровь, а щеки стали горячими.

Дубровская счастливо улыбалась. Ее муж появился как нельзя кстати. Признаться, эксперименты Эммы вывели ее из состояния равновесия, и она чувствовала себя так, будто ей предстояло сдать какой-то невероятно сложный экзамен, пройти через какое-то испытание. Ну что ж, теперь они пройдут его вместе. Им нечего бояться. Они знают друг о друге все. А разве может быть иначе?

– Надеюсь, я не пропустил ничего из того, о чем буду жалеть всю оставшуюся жизнь? – весело осведомился он.

– Нет, гвоздь программы еще впереди! – кокетливо заметила Лара.

– Вот как?

– Через несколько минут, Мерцалов, мы будем знать все твои тайны, – с усмешкой сообщил Константин. – Эмма проводит сеанс разоблачений.

– Так что, дорогой, у тебя есть еще время. Бери молодую жену и сматывай удочки в направлении домика, – шутливо посоветовал хирург. – Вдруг груз твоих грехов станет непосильной ношей для твоей половины? Послушай меня, старого и больного ветерана трех супружеских войн: женщине незачем знать твое прошлое, ее должно интересовать только твое будущее.

– Нет, мы останемся, – заявила Дубровская. – У нас нет секретов друг от друга. Да и от вас нам скрывать нечего.

– Ты уверена? – с преувеличенной серьезностью спросил ее Андрей.

– На все сто! – не задумываясь, ответила Лиза.

– Ну, тогда мы остаемся, – развел он руками.

Руки Эммы непрерывно кружили в сизом тумане. Содержимое кожаного мешочка тлело в курильнице, распространяя вокруг аромат не то каких-то экзотических цветов, не то неизвестных тропических фруктов. Свечи трепетали от движения ночного воздуха. Фонарь продолжал скрипеть над головой.

Глаза вещуньи были прикрыты. Губы непрерывно производили слова каких-то заклинаний. Внезапно, не то от легкого порыва ветра, не то от других малообъяснимых причин, легкая струйка дыма, стоящая в воздухе вертикальным столбом, изменила свое направление. Лара не выдержала и чихнула.

– Фу-ты черт! Я сейчас задохнусь от этой вони, – капризно произнесла она.

Эмма открыла глаза.

– Это знак. Бог ночи указал на вас.

– Ну и что он там указал?

– Не торопись. Всеу свое время. – Эмма опять закрыла глаза и что-то очень быстро зашептала.

Жена чиновника хотела было возмутиться, но тут голос Эммы, глухой и неузнаваемый, начал звучать громче:

– Темнота рассеивается. Что вижу я? Большое серое здание, казенный дом. Сюда есть вход. Вот только выхода нет. Здесь звучит детский плач, но он не доносится до твоих ушей. Тревожит ли он тебя по ночам? По всей видимости, нет. Отгороженная от реальности дорожками белого снега, ты витаешь в своем выдуманном мире, где каждый твой шаг достоин зрительских оваций. Тебя превозносят, тебя любят. Вот только любишь ли ты? Где *то*, что ты погубила ради своей болезненной прихоти? Оно еще живо. Но ты никогда не придешь сюда, не помотришь на *это*, не возьмешь *это* на руки и не назовешь своим. Но что это? Свет погас...

Эмма открыла глаза и взглянула на Лару.

– Знаком ли тебе тот дом, о котором говорил голос?

Та взвилась с места, словно только и дожидалась этого вопроса:

– Я не понимаю, о чем ты. Какой дом? Какой плач? Я не собираюсь комментировать эту чушь.

– И правильно делаешь, – раздался жесткий голос Петра Ивановича. – Я вообще удивляюсь, почему мы, известные, уважаемые в городе люди, вот уже два часа слушаем это словоблудие. Я не понимаю ваших намеков, сударыня, но подозреваю, что вы хотите каким-то образом скомпрометировать нас.

– А я думаю, вы поняли, о чем речь, – спокойно произнес-

ла Эмма, отправляя в курильницу очередную порцию ароматических трав. – Иначе вы не реагировали бы так бурно.

– А нельзя ли конкретней, мадам гадалка? – влез Константин. – Признаюсь честно, я ни черта не понял. Нельзя ли сказать просто, в чем виновата эта милая женщина?

– Я сказала все, – твердо ответила Эмма. – Может, теперь коснемся вас? Я надеюсь, вы проявите большее мужество?

– Лара, идем отсюда сейчас же! – потребовал чиновник.

– Черта с два! – окрысилась супруга. – После того, как меня обвинили в каких-то непонятных грехах, я уйду отсюда и позволю трепать мое имя в досужих вымыслах? Я хочу узнать, что эта самозванка скажет о других. Я так поняла, что все должны получить свою порцию дегтя. Не стоит отказывать себе в удовольствии послушать, что она припасла для наших друзей.

– Лара! – умоляюще произнес чиновник, но, поняв, что сдвинуть жену с места не сможет даже бронетранспортер, махнул рукой.

Тем временем Эмма повторяла ритуал. Ее лицо в сизой завесе дыма казалось страшным, словно в эту даму, немного экстравагантную, но все же здравомыслящую, вселился не то дух, не то бес. Если в этом, конечно, есть разница. Это была уже не та хохотушка и выдумщица, какой ее обычно привыкли видеть друзья. Откуда взялось хотя бы это выражение злобного торжества на ее лице? Возникло впечатление, что ей доставляло удовольствие рассуждать о двуличии близких

ей людей.

– ...Можно ли опуститься ниже того уровня, где ты находишься сейчас? Возможно все. Возьми в руки хлыст и выпусти беса наружу! Тебя заводит вид крови? А может, стоны и плач будят твое воображение? Сними свою маску, стань на минуту самим собой. Кого ты увидишь в зеркале? Животное? Нет! У тебя нет необходимости убивать ради пищи. Тобой движет инстинкт зверя, но ты сыт. Вспомни, что такое боль. Ощути ее на себе. Быть может, она тебе укажет путь к спасению...

– Все ясно, Константин, – резюмировал хирург. – Ты – законченный садист в лучшем случае. В худшем тебе грозит срок за убийство.

– Что за тупфта? – возмутился бизнесмен. – С чего бы мне кого-то убивать? И почему это я похож на животное?

– Ты плохо следишь за нитью повествования, дорогой, – не унимался врач. – Если я правильно понял нашу предсказательницу, тебя опустили куда ниже жирафа. Так что, если вспомнить теорию эволюции, ты находишься сейчас где-то на уровне простейших.

– ...А ты, ловкий портной, закройщик новых лиц, ты можешь оперировать совесть? – продолжила Эмма.

– Вот и до тебя добрались, – с удовлетворением заметил Константин. – Сейчас и ты получишь по полной программе.

– ...Ты можешь почти все. Что стоит тебе выкроить безупречную фигуру или греческий нос; обмануть время, убрав

ненужные десятки лет. Ты идешь вопреки божьему замыслу, творя новую наружность для нового человека. Ты почти все-силен. Но так думаешь только ты. Есть то, что ты не в силах изменить. Душу перекроить невозможно. Убийце ты не сможешь пришить доброту и сострадание, не получится убрать клеймо с его души. А кровь на его руках испачкала и твои руки. Разве ты не видишь эти пятна?

Павел слушал откровение предсказательницы, иронически улыбаясь. Он только поменял позу: прислонился к перилам, причем руки убрал за спину. Вроде ничего странного, но в свете обвинений Эммы это выглядело почти символично.

В курильнице продолжали тлеть засушенные травы, вот только аромат их стал терпким. Дубровская почувствовала трепет. Подходила их очередь, и, хотя для беспокойства не было решительно никаких оснований, Лиза ощутила холодок в груди. Ничего особенного. Но он рос, ширился, заполнял все ее естество, так что стало больно дышать. Она разумом понимала, что это глупо, но ничего не могла с собой поделать.

– ...Ты боишься своих снов? Как ты относишься к кошмарам? Ты кричишь по ночам? Тебя можно понять. Кровавая река, текущая среди скал, кого угодно сведет с ума. И ничего уже нельзя изменить. Тот мостик был так же шаток, как и твоя память. Твое прошлое рухнуло вниз, на острые камни. Все ли разбилось? Поспешу тебя удивить: нет, не все. Кое-

что осталось. Надеюсь, сегодняшней ночью тебе приснится кошмар...

Елизавета не видела лица Андрея, но почувствовала, что его рука сжала ей плечо. Она побоялась оглянуться, хотя внутренний голос навязчиво шептал ей: «Ну же! Ты должна видеть его глаза. Тебе все сразу станет ясно». Но она сидела как ни в чем не бывало и смотрела вперед сквозь завесу дыма. Она не стремилась знать правду. Ее устраивала призрачность. Слова Эммы звучали так обтекаемо...

Тем временем новоявленная колдунья достала из очередного пакетика какой-то порошок и бросила его в тлеющую траву. Лица присутствующих озарила вспышка. Дамы невольно отшатнулись от стола. Но никто не покинул беседу. Никто не ушел.

—...Я силы колдовские призываю в час полночный,
Средь нас есть дьявол в человеческом обличье.
Он гладок речью и статью вышел,
Вот только метит шельму бог, гласит поверье,
Он носит метку сатаны с рожденья,
Кровавый шлейф за ним течет рекой,
Из душ загубленных наживы ради,
И вряд ли он найдет себе покой
В земле, на небе или на водной глади...

Огонь погас. Эмма обвела всех долгим взглядом.

– Это достойно аплодисментов, – саркастически заметил хирург и даже несколько раз демонстративно хлопнул в ладоши. – Наша вещунья перешла на поэзию. Еще немного, и мы услышим пение.

– Ну, лично я этого дожидаться не собираюсь, – резко заметил Петр Иванович. – С меня довольно! Ты остаешься?

Вопрос был адресован, разумеется, супруге. Лара пожалала плечами, но все-таки встала. Она нетвердо держалась на ногах.

– Чертовы каблуки, – проворчала жена чиновника, стараясь сгладить неловкость в глазах окружающих. – Но все-таки, Эмма, ты была неконкретна. Что ты имела в виду?

Бедный Петр Иванович пошел пятнами. Он дернул супругу за руку так, что она едва не потеряла равновесие.

– Вам нужна конкретика? – подняла брови Эмма.

– Оставьте ее при себе! – разозлился чиновник.

– Меня интересует только последний пункт. Насчет дьявола, – подал голос Грек. – Я так понимаю, что одного из нас вы обвинили в убийстве. Это, милая, серьезная вещь. Надеюсь, у вас есть к этому основания?

– У меня есть доказательства! – отозвалась Эмма. – Кассета... И я могу ее показать...

– Ну а кто это? – задал вопрос Андрей. – Полагаю, что женщин вы из этого списка исключаете.

– Разве я что-то говорила про пол?

– Но в ваших стихотворных экзерсисах звучало конкрет-

ное местоимение – «он»?

– Не надо понимать все буквально! – вспыхнула Эмма. – Тот человек, которому были адресованы последние строки, не ошибется.

– Зачем тогда было пудрить всем мозги? – возмутился Константин. – Навели тень на плетень. Трава там всякая, свечки, присказки дурацкие. Никаких фактов. Сплошной туман.

– А здесь ничего и не могло быть, – зло произнес чиновник. – Глупый фарс со спецэффектами, не более того.

– Э! Да вы забыли, что сегодня Хэллоуин, – опомнилась вдруг Лара. – Это ведь розыгрыш? Я угадала?

Все с надеждой посмотрели на Эмму. Но та еще больше распалилась. Она кидала без порядка в сумку весь свой колдовской инвентарь и что-то бормотала сквозь зубы.

– Вы хотели конкретных имен? Ну что же! Одно из них я вам назову – Стефания Кольцова. Довольны?

– Ну и кто это? – поинтересовался хирург. – Та самая дьяволица?

– Не прикидывайтесь, что впервые слышите это имя. Репортажи с места ее гибели обошли все местные каналы! – перешла на крик Эмма. – Она была моей подругой.

– О боже! Это же... – начала говорить Мария, но, увидев, что на нее все смотрят, разом сникла и зажала рот ладонью.

Константин помрачнел.

– Я могу рассказать все! – в запальчивости говорила Эм-

ма. – Вы хотите это слышать?

– Может быть, позже, – прервал ее Андрей. – На улице чертовски холодно. Я беспокоюсь за свою жену: она насквозь продрогла. Да и у меня зуб на зуб не попадает. Предлагаю встретиться минут через сорок, у камина.

– Идет, – легко согласился Константин. – Время еще детское.

– Мы присоединимся, если все сменят тему вечера и мы сможем наконец расслабиться, – категорично заявил Петр Иванович.

– Дорогой, ничего не имею против. Меня, признаться, достали гадалки и предсказания, – охотно отозвался хирург. – Предлагаю партию в бильярд.

– А он здесь есть? – удивленно воскликнул Константин.

– Здесь есть все: бильярд, баня и запас хорошего пива в холодильнике. Я проверял, – обрадовал мужскую половину хирург.

– А чем займемся мы? – обиженно протянула Лара.

– А вы можете продолжить вашу вечеринку в преисподней! – расхохотался Константин. – К примеру, погадать: кого не будет в живых к утру.

Он сделал страшные глаза и для убедительности высунул язык.

– Очень смешно! – обиделась жена чиновника.

Эмма, которая уже была на ступенях веранды, обернулась:

– Я лично такой возможности не исключаю. Если у кого-то из вас проснется совесть...

– Ты узнаешь об этом первая, – помахал ей рукой хирург.

Елизавета сбросила маску и без сил опустилась на диван.

– Странный какой-то вечер, – произнесла она.

Андрей сел рядом и обнял ее за плечи.

– Твоя беда в том, что ты принимаешь все очень близко к сердцу, – сказал он. – Выброси весь этот бред из головы. В словах Эммы не было и грамма истины. Отдаю ей должное: настроение она умеет портить превосходно.

– В том-то и дело, – отодвинулась от него Лиза. – Если Эмма говорила чепуху, почему никто не смеялся? Может ли испортить настроение чья-то глупая выдумка?

– Еще как может.

– Согласна. Но только тогда, когда в большой лжи есть хотя бы доля правды. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что Эмма не шутила.

Андрей порывисто встал.

– Давай оставим в покое Эмму. Признаться, я уже пожалел, что принял ее приглашение. Она всегда была такой: взбалмошной и неразумной. Трудно было ожидать, что она организует что-нибудь стоящее...

Он подошел к большому платяному шкафу и начал что-то искать среди своих вещей.

Елизавета наблюдала за ним с дивана, удивляясь, что ее

супруг, обычно веселый и оптимистичный, может так нервничать из-за несвязных речей «взбалмошной и неразумной» девицы.

Он уронил брюки с вешалки и, чертыхаясь, пытался засунуть их обратно. Но, помучившись несколько мгновений, муж швырнул синий с отливом костюм себе под ноги.

– Ну что?! Что? Что ты на меня смотришь? – взвился он вдруг. – Ты хочешь меня о чем-то спросить? Ну так спроси!

Дубровская смотрела на него во все глаза, встревоженная, непонимающая.

– Я не знаю, что имела в виду эта чертова Эмма! – крикнул он. – Я просто не знаю.

Он надал ногой, и дорогая тряпка, взлетев в воздух, мягко шлепнулась вниз. Прямо под ноги оторопевшей супруги.

– Почему ты кричишь? – спросила Лиза, и голос ее задрожал. – Я ни о чем тебя не спрашивала. Что на тебя вдруг нашло?

Андрей остановился, опустив вниз руки, как плети. Ярость, клокотавшая в его груди всего несколько секунд назад, улеглась, словно уничтожила сама себя. Он стал таким же, как прежде, только немного осунувшимся и усталым.

– Прости меня, детка, – произнес он, присаживаясь на пол у ее ног. – У меня был чертовски сложный день. Я просто выпустил пар.

Он обнял ее за колени и посмотрел в лицо так виновато, что Елизавете не оставалось ничего иного, как принять это

объяснение.

– Я только хотела разобраться, – прошептала Лиза.

– Конечно, конечно, – согласился он. – Это естественно.

– Значит, ты на меня сердишься?

– Сердиться? За что? Давай расставим все точки над «i»,

я не хочу больше возвращаться к этому разговору...

Дубровская пожалала плечами. Ей не хотелось ссориться, и, хотя столь бурная реакция собственного супруга испугала и обидела ее, она желала знать правду. Он сам подогрел ее интерес.

– Про себя я ничего не могу сообщить тебе нового, – сказал он. – Мне действительно иногда снятся кошмары, но здесь ничего странного нет. Пусть найдется тот, кто от них избавлен...

Лиза кивала головой, хотя чувствовала какую-то недосказанность. Ее тоже иногда посещали не самые приятные сновидения, но бурно переживать по этому поводу она не собиралась. Гадалка, правда, твердила еще что-то про кровь, но здесь воображение девушки заходило в тупик. Это отчасти успокаивало ее, поскольку было совершенно неправдоподобно. Андрей не мог совершить ничего криминального. Он был ее муж, и она знала его как облупленного.

– Я тебе на пальцах докажу, что все это выдумка от начала до конца. Возьмем, к примеру, Лару и Петра Ивановича. Как они тебе?

Лиза выразительно пожалала плечами.

– Ничего особенного. Он – типичный чинуша. Мне кажется, что он и шагу не сделает, не доложив об этом руководству. Она – капризная жена влиятельного мужчины. Любит шампанское и флирт.

Андрей рассмеялся.

– Ну, ты не далека от истины. Примерно так оно и есть. Он зарабатывает деньги, она их тратит. Кстати, Лара неплохо поет, и у нее есть даже два музыкальных клипа. В связи с этим она любит частенько вздыхать о своей загубленной карьере в шоу-бизнесе.

– Якобы она положила на алтарь семейного счастья все, что могла? – усмехнулась Лиза. – Свои таланты, славу и звездное будущее?

– Вот-вот. Ну, так о чем говорила наша гадалка?

Дубровская нахмурилась.

– Точно повторить не смогу. Но что-то про казенный дом и детский плач. Может, речь шла о каком-то ребенке?

– В том-то и дело, – вздохнул Андрей. – У них никогда не было детей. Но знаю точно, Лара уже много лет лечится от бесплодия. Пока безрезультатно. Петр Иванович просто грезит о наследнике. Не забывай, он – жуткий карьерист. Потомство только упрочило бы его репутацию.

– Со стороны Эммы не очень деликатно выставлять их проблемы на всеобщее обсуждение, – заметила Лиза.

– Согласен. Кто там у нас еще? Константин и его верная Мария.

– Про нее ничего не скажу. Слишком уж она неприметная. А он – плохо воспитанный «малиновый пиджак», – продолжила характеристику гостей Дубровская.

«Интересно, что говорят о нас знакомые Андрея, – мелькнула трусливая мысль. – Возможно, я даже на фоне Марии выглядела бледно. За весь вечер произнесла только пару фраз».

– Константин – человек своеобразный. Он успешно ведет свой бизнес, но в семье его деспотичность просто бросается в глаза.

– Эмма говорила что-то про плетку, – вспомнила Лиза.

– Не удивлюсь, если окажется, что он слегка поколачивает свою безропотную Марию. Вид у нее и вправду забитый.

– Вот видишь! – торжествуя начала Дубровская и осеклась. Андрей мог бы истолковать ее слова неверно. – Значит, хоть в чем-то гадалка говорила правду.

Последнюю фразу она произнесла нерешительно. Но супруг словно ничего не заметил.

– Я не думаю, что в их отношениях все столь ужасно, – сказал он. – Не садист же он, в конце концов. Может, он и отпускает своей благоверной подзатыльники и зуботычины, но не пьет же он у нее кровь!

– И ты говоришь об этом как о самой обыденной вещи?! – возмутилась Лиза. – Это что, нормально – избивать жену?

– Но я же не одобряю его, – отозвался Андрей.

– Кстати, там был еще хирург, – перешла к следующему

персонажу Дубровская. У нее не было охоты рассуждать о домашнем насилии.

– Павел Грек? Нормальный мужик. Никакой он не злодей и не убийца, – убежденно произнес Андрей. – Немного слаб по женской части, но это не криминал.

– Судя по словам Эммы, и у него нечиста совесть, – ехидно заметила Лиза. – Если я правильно ее поняла, она намекала на какие-то его профессиональные грехи.

– Как это банально, – зевнул Андрей. – Врачей сейчас не обвиняет только ленивый.

– Значит, твой коллега мог нашалить по врачебной части?

– Почему и нет? – удивился муж. – Есть понятие профессионального риска. Если хирург сделал что-то не так, это еще не значит, что он – убийца.

– В каком-то смысле так оно и есть, – не унималась Лиза.

– Для того, чтобы назвать врача убийцей с точки зрения права, нужно доказать его преступный умысел. Так, что ли, госпожа адвокат?

Дубровская прикусила язык. Милый супруг был абсолютно прав. Вот только почему он успевает соображать куда быстрее ее?

– По-моему, мы никого не забыли, – продолжал он. – Если только тебя...

– Меня? – удивилась Лиза.

– Ну, конечно. Обрати внимание, наша гадалка никого не называла по именам, а все обвинения адресовала парам. За

исключением хирурга, конечно.

– И что?

– А то, что угадать было сложно, к кому она обращается. Так что намек на дурные сны мог быть обращен к тебе. Ничего не припоминаешь ужасного в своем прошлом?

Голос его звучал насмешливо.

– Вся моя жизнь – один сплошной кошмар, – в тон ему ответила Дубровская, но веселее ей почему-то не стало. Похоже, она зря потратила время, пытаясь найти скрытый смысл там, где его и быть не могло.

– Ну, если ты удовлетворена, позволь поторопить тебя, – поднялся на ноги Андрей. – Надевай что-нибудь теплое, и пойдем выйдем к людям. Я надеюсь, ты больше не будешь искать среди них злодеев?

– Последний вопрос, – спохватилась она. – Кто такая Стефания Кольцова?

Может, в комнате было недостаточно светло, но ей показалось, что по лицу супруга пробежала тень. Он полез за чем-то в карман.

– Это журналистка. С ней произошел несчастный случай.

– А... – протянула Лиза, не зная, стоит ли еще задавать вопросы.

Андрей зябко повел плечами. Накинув спортивную куртку, он двинулся к двери.

– Ты меня не подождешь? – удивилась Дубровская.

– Я на минуту. Только покурить, – буднично сообщил он.

Покурить?! Но он не курил уже несколько лет!

Дверь хлопнула, а Лиза так и осталась сидеть на диване.

Взгляд ее был направлен в пустоту...

Лара в ярости колотила руками по подушкам.

– Я хочу уехать отсюда немедленно! – орала она.

Петр Иванович носился вокруг кровати кругами, вытирая платком вспотевший лоб. В его руке дрожал стакан воды.

– Успокойся, дорогая. Выпей это, и тебе сразу станет легче.

Жена последовала его совету, однако это ей не помогло успокоиться.

– Скажи, почему я должна здесь оставаться? – не унималась она. – Эти придурки действуют мне на нервы!

Чиновник проявлял поразительное терпение. Он знал, что через несколько минут истерика закончится и с супругой уже можно будет договориться. А пока нужно просто ждать, не обращая внимания на взлетающие к потолку туфли, на невыносимые вопли и площадную брань, извергаемые из ее нежных уст. Она была невероятно хороша в гневе, со сверкающими, как лезвия, чуть раскосыми глазами, растрепанными кудряшками и грудью, которая вздымалась каждый раз, когда Лара выкрикивала очередную непристойность. Как он желал сейчас прижать ее к этим подушкам и... Но это она позволяла ему очень редко.

– Успокойся, милая. Я понимаю, что тебя взволновали

слова этой невыносимой Эммы. Я и сам едва сдерживался, – торопливо говорил он, поглаживая ее плечо. – Но, уверяю тебя, никто ничего не понял. Да и что тут можно было разобрать из лепета этой сумасшедшей?!

Его слова подействовали на супругу, как холодный душ. Она отбросила в сторону подушки и даже привстала.

– Ты думаешь, что я расстроилась из-за того, что наговорила эта старая дева?

Он выглядел растерянным.

– Ну, конечно. Ведь она... Разве могло быть что-то еще?

Лара расхохоталась.

– Да я и думать об этом забыла! Нашел из-за чего разыгрывать драму.

Он резко поднялся и отошел к окну. Засунув руки в карманы, он смотрел в черную, непроницаемую ночь, словно где-то там, в крошечной мгле, был ответ на все его вопросы.

– А я не могу забыть, – глухо сказал он. – Я помню *все*...

– Ну, довольно лирики, – оборвала она. – Если мы уедем прямо сейчас, я еще успею на вечеринку в «Галерею». Могу поспорить, что там эта долбаная ночь привидений празднуется куда веселее.

Петр повернулся и взглянул ей прямо в глаза.

– Ты разве не понимаешь, что мы не можем сейчас отсюда уехать?

Она захихикала:

– А что нас держит? Может, ты положил на кого-то глаз?

Дамы и вправду были хоть куда: свихнувшаяся без мужского внимания Эмма, забитая кляча Мария и эта... как ее? – Лара сделала уморительную гримасу. – Та, которая весь вечер просидела в маске. Вообще, это твои проблемы. Я уезжаю.

Она встала с кровати, одернула юбку и походкой манекенщицы двинулась к шкафу собирать вещи. Но Петр Иванович был начеку. Поймав супругу за руку, он с силой швырнул ее на кровать. Лара не успела сообразить, чем была вызвана столь быстрая перемена его настроения, как перекошенное яростью лицо мужа оказалось рядом с ее лицом. Глаза смотрели в глаза.

– Это наши проблемы, – прошипел он. – И мы будем их решать вместе.

– О чем ты?

– Перейду на простой и доступный тебе язык, – он держал ее железной хваткой. – Я только надеюсь, что слова этой сумасшедшей никто не воспринял всерьез. Но, даже если это и так, проблема никуда не исчезает. Эмма что-то знает. Не думаешь же ты, что она нагадала все это, гоня по веранде дым?

– А если это так?

– Не говори глупостей, – разозлился он. – Я намерен выяснить все до конца. И ты останешься со мной, чтобы ни у кого не возникло ненужных вопросов.

– Что ты собираешься предпринять?

– Переговорить с ней с глазу на глаз. А потом уж действо-

вать по ситуации.

Он посмотрел на нее. Сейчас она выглядела кротко, так, как должна выглядеть безупречная жена человека его уровня. И для того, чтобы продлить воспитательный эффект своей беседы, он решился на крайние меры. Подняв вверх указательный палец, он несколько раз погрозил им супруге. Слова его звучали хлестко:

– Помни! Рухнет моя карьера – ты лишишься всего: своей беспутной жизни, бесконечного хождения по массажам и соляриям и дорогих тряпок. Думаешь, найдется прекрасный принц, который упадет на твои клипы? Взгляни правде в глаза: шестнадцатилетние «старлетки» тебе давно отдавали пятки...

Обычно он такого себе не позволял. Намекать супруге о том, что время немилосердно даже к таким потрясающим красавицам, как она, – было не в его привычках. Ларе едва минуло двадцать пять лет, но к вопросам возрастных изменений она относилась очень болезненно. Он знал ее любимую мозоль и сейчас давил на нее нещадно – такова была ситуация. И супруга его поняла. Вместо того чтобы, по своему обыкновению, закатить скандал и начать поносить его всякими словами из своего неповторимого лексикона, она надолго замолчала. Это был хороший знак. Он мог приниматься за дело...

Голос Константина звучал спокойно, но Мария знала, что

ни к чему хорошему это не приведет. Знакомые мурашки пробежали по ее напряженному телу. Она чувствовала кожей, что затишью перед бурей скоро придет конец.

– Ты была очень разговорчива сегодня, – заявил он, рукой поглаживая свой брючный ремень.

Она молчала, понимая, что возражать бесполезно.

– Я не люблю болтливых женщин. Они выглядят отвратительно. Взять хотя бы эту дуру Эмму. Что она трепала сегодня про меня?

Мария подняла испуганные глаза.

– Это было так несвязно. Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь мог разобрать ее намеки.

– Да? – улыбка его была нехорошей. – Скажи мне по совести, а ты не говорила того, что не должна была говорить?

– Я не понимаю, – задрожала она.

– А я думаю, понимаешь, – он вытащил брючный ремень. – Вот к чему приводит болтовня с подругами, сплетни за чаем и воскресные походы в сауну.

– Клянусь, я никому ничего не говорила.

– Правда? – удивился он. – А разве было что-то, о чем можно было говорить?

– Нет, конечно. Но ты же сам сказал... – вконец запуталась она.

– Я слишком распустил тебя, – глубокомысленно изрек он. Ремень со свистом разрезал воздух, но удара не последовало. – Женщин нужно держать в кулаке. Помнишь, что

произошло со Стефанией Кольцовой?

– Извини, я просто не смогла сдержаться, – вспомнила она свой промах на злосчастной вечеринке.

Но Константин будто и не слышал ее.

– Она закончила свою жизнь плохо. Несчастный случай или самоубийство? Об этом трубили все газеты. Но до правды они так и не докопались. Думаешь, это удалось Эмме?

– Не знаю, но она что-то твердила о какой-то кассете, – поспешно заговорила Мария. – Намекала на возможность показать ее всем нам.

– О кассете? – насторожился Константин. – Ты думаешь, она у нее с собой?

– Не знаю. Может, тебе стоит поговорить с ней?

– Я обязательно это сделаю, милая. Но только чуть позже. А сейчас у меня есть дела поважнее...

– Костя?! – она отпрянула в сторону. – Прошу, не надо!

Он криво ухмылялся.

– Не так просишь!

– Пожалуйста, не надо. Прости меня. Я во всем виновата. Я!

Она упала на колени. Шпильки выпали, рассыпая черные как смоль волосы по плечам. Губы застыли, как кровавая буква «о».

Он был доволен. Выставив вперед носок лакированного ботинка, он тихо и четко произнес:

– А теперь ползи...

...Павел Грек безостановочно щелкал телевизионным пультом. По правде говоря, передачи его волновали мало, но это немудреное занятие помогало хотя бы немного отвлечься. Его невидящий взор был обращен на экран, но картинки, сменяя одна другую, не цеплялись даже за краешек его сознания. Его мысли были заняты другим.

Старушка Эмма выкинула сегодня странный фортель: бросила ему в лицо обвинение, правда, не в прямой, а в завуалированной форме. И вот теперь он пытался понять, насколько серьезна ситуация. То ли эта неуравновешенная особа выбалтывала все, что бог на душу положит; то ли она в самом деле разнюхала кое-какие факты.

В пользу первой версии свидетельствовали ее высказывания, касающиеся иных участников вечеринки. Подобного бреда ранее ему не приходилось слышать, и теперь Грек жалел лишь об одном: что он по специальности является хирургом, а не психиатром. Тогда бы он с точностью определил диагноз пациентке и предписал бы оградить ее от общества нормальных людей. Что стоят ее слова о кровавых реках и плачущих детях! Да и публику на скамью подсудимых она выбрала неудачно: известный чиновник из аппарата мэра, телевизионный магнат, местный король фармацевтики и он – успешный пластический хирург, чье имя у всех на устах. Ну, о себе он промолчит, но за других готов ручаться. Если у них есть грехи (а грехи есть у всех), то они не настолько

масштабны, чтобы о них было страшно говорить вслух.

Второй вариант, менее оптимистический, но все же возможный, существует: каким-то образом эта чудаковатая Эмма получила компрометирующие сведения на всех участников вечеринки, а теперь пытается их использовать довольно странным образом. Чего она добивается? На шантаж это мало похоже. Во всяком случае, он никогда не встречался со случаями массового шантажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.